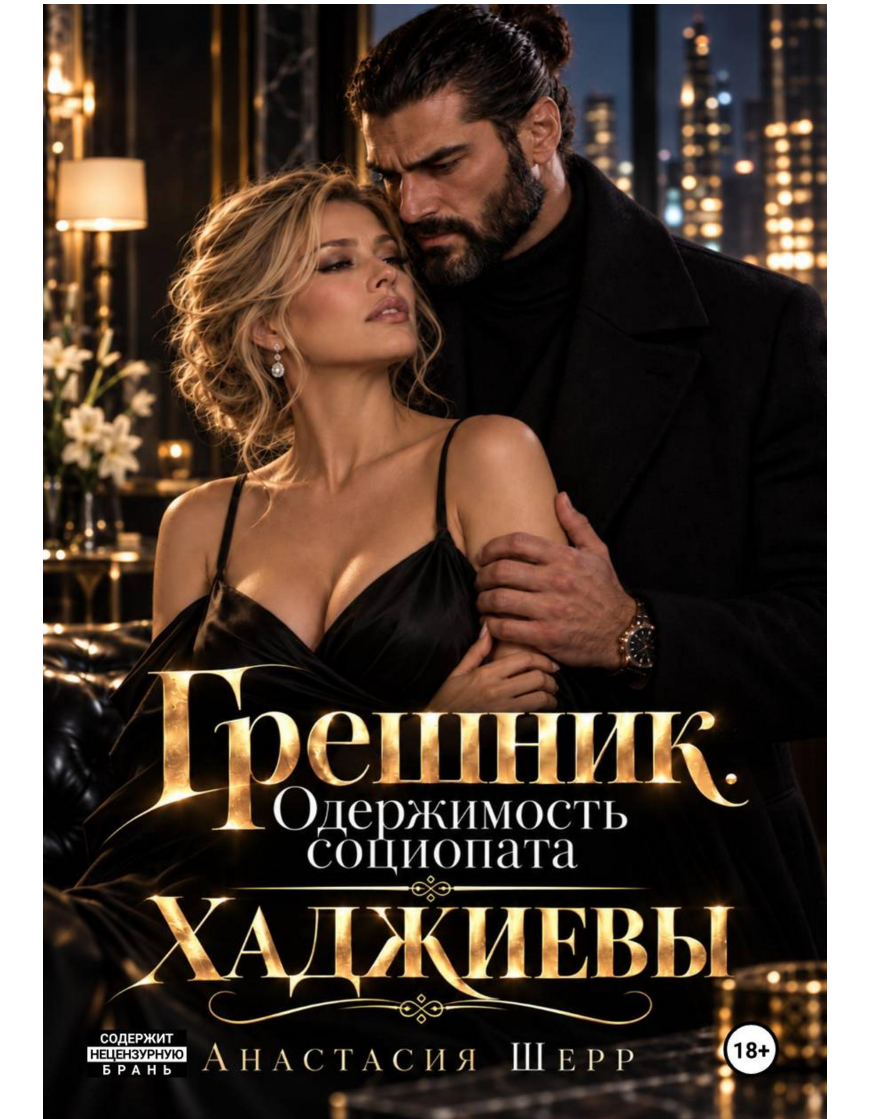

A man with a beard and dark hair tied back, wearing a black coat, embraces a woman with blonde hair from behind. The woman is wearing a black, low-cut dress and looking upwards. They are in a dimly lit room with a city skyline visible in the background at night. A lamp and some flowers are visible on the left.

Грешник.

Одержимость
социопата

ХАДЖИЕВЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНАСТАСИЯ ШЕРР

18+

Анастасия Шерр
Хаджиевы: Грешник.
Одержимость социопата
Серия «Хаджиевы», книга 13

*<https://litres.ru/74423554>
SelfPub; 2026*

Аннотация

ПЕРВЫЕ ДНИ СНИЖЕННАЯ ЦЕНА!

Двадцать лет я была его Королевной. Женой социопата, который не умеет любить, зато умеет владеть. Я терпела его ревность, жестокость, безумие. Рожала ему детей. Уходила. Возвращалась. И каждый раз убеждала себя, что выдержу ещё немного.

А потом Шамиль переступил последнюю черту. Я собрала вещи и ушла. Впервые по-настоящему. Впервые он спросил, хочу ли я вернуться. Я сказала «нет» и решила, что на этом всё.

Я думала, что социопат не умеет любить, а значит, сумеет отпустить. Ошиблась. Шамиль не любит. Он одержим мной. И если двадцать лет я шла за ним по стеклу босиком, теперь Грешник сам готов переплыть море из крови, лишь бы вернуть свою Королевну. У каждого чудовища есть слабость. Его слабость — я.

Содержание

Глава 1	5
ГЛАВА 1	7
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Шерр
Хаджиевы: Грешник.
Одержимость социопата

Глава 1

Дисклеймер

Возрастное ограничение 18+.

Произведение является художественным вымыслом. Все герои, события и обстоятельства созданы исключительно в рамках сюжета.

Автор не одобряет и не пропагандирует насилие, жестокость, преступления, противоправное поведение, а также курение, употребление алкоголя и другие вредные привычки.

Образ социопатии и особенности поведения героя намеренно художественно усилены и не являются медицинским описанием, диагнозом или попыткой достоверно передать жизнь людей с психическими расстройствами.

Книга создана исключительно как остросюжетный любовный роман и не претендует на медицинскую, психологическую или социальную достоверность.

Книгу рекомендуется читать после «Грешник. На острие», «Грешник 2. Продолжение» и «Мамаевы. Рашад»

Грешник. Одержимость социопата

Двадцать лет я была его Королевой. Женой социопата, который не умеет любить, зато умеет владеть. Я терпела его ревность, жестокость, безумие. Рожала ему детей. Уходила.

Возвращалась. И каждый раз убеждала себя, что выдержу ещё немного.

А потом Шамиль переступил последнюю черту. Я собрала вещи и ушла. Впервые по-настоящему. Впервые он спросил, хочу ли я вернуться. Я сказала «нет» и решила, что на этом всё.

Я думала, что социопат не умеет любить, а значит, сумеет отпустить. Ошиблась. Шамиль не любит. Он одержим мной. И если двадцать лет я шла за ним по стеклу босиком, теперь Грешник сам готов переплыть море из крови, лишь бы вернуть свою Королевну. У каждого чудовища есть слабость. Его слабость — я.

ГЛАВА 1

Первый букет вернулся к обеду. Шамиль как раз спустился на кухню после тренировки, мокрый после душа, злой и голодный, когда в прихожей раздался звонок. Он даже не пошевелился. В доме хватало людей, способных открыть дверь без его участия, а последние девять дней Шамиль вообще старался как можно меньше разговаривать с кем-либо. Тишина сначала казалась удобной. Никто не спорил с ним из-за открытого окна, не передвигал его чашку, не ворчал из-за того, что он опять пропустил завтрак. Но очень быстро эта тишина начала бесить. Она расползлась по дому, забралась в спальню, в кухню, в машину, в его голову и теперь сидела там вместе с воспоминаниями о женщине, которая двадцать лет умудрялась выводить его из себя одним взглядом.

Руслан появился на кухне через несколько минут. В руках он держал огромную охапку белых роз, а выражение лица было таким осторожным, будто вместо цветов ему всучили гранату без чеки. Шамиль медленно перевёл взгляд с него на букет, потом на маленькую карточку между лепестками. Эту карточку он сам подписывал утром. Два слова. Ничего лишнего. Не собирался он превращаться в сопливого придурка, строчащего жене признания после двадцати лет брака. Тем более Лера и без признаний прекрасно знала, что он хочет

её вернуть.

— Валерия Игнатьевна попросила передать обратно, — Руслан поставил цветы на стол и немного отступил, будто заранее знал, чем закончится разговор. — Курьер сказал, она даже в дом их не занесла.

Шамиль открыл холодильник, достал бутылку воды и сделал несколько больших глотков. После тренировки горло пересохло, мышцы приятно гудели, костяшки саднили под свежими бинтами. Он полчаса лупил грушу, представляя то одного человека, то другого, а в конце всё равно увидел перед глазами Леру за воротами Короля. Светлые брюки, распущенные волосы и этот её взгляд, когда она сказала, что домой не вернётся. Причём сказала без привычной истерики. Не орала, не обвиняла, не швырялась угрозами. Спокойно отказалась. Вот это бесило сильнее всего.

— Выкинь, — произнёс он, закрывая бутылку.

— Цветы?

Шамиль медленно поднял глаза на Руслана.

— Нет, себя. Цветы оставь.

Руслан хмыкнул и потащил букет из кухни. Шамиль проводил его взглядом, потом подошёл к кофемашине. Лера всегда ругалась, когда он пил кофе на голодный желудок. Сначала ругалась, потом ставила перед ним тарелку и стояла над душой, пока не начинал есть. Шамиль нажал кнопку, дождался, когда чашка наполнится, сделал глоток крепкого эспresso и почувствовал только раздражение. Даже кофе был

каким-то другим. Кофемашина та же, зерно то же, чашка его. Только женщины нет, которая непременно влезла бы со своим мнением и заставила сначала съесть хотя бы бутерброд.

Он допил кофе назло отсутствующей жене и ушёл работать.

Второй букет вернулся вечером. На этот раз розы были тёмно-красными, дорогими и огромными. Руслан ничего не сказал, только молча внёс их в кабинет и поставил на низкий столик. Шамиль поднял голову от документов, увидел цветы и понял всё без объяснений. Несколько секунд смотрел на них, потом снова опустил глаза в бумаги. Плевать. Не хочет белые, не хочет красные. Завтра получит другие. В городе столько цветов, что когда-нибудь он всё равно попадёт в нужные.

— Может, остановиться? — осторожно спросил Руслан спустя минуту.

Шамиль продолжил читать.

— О чем ты?

— О цветах.

— А я когда-нибудь спрашивал, что мне делать с собственной женой?

— Нет.

— Тогда почему сегодня решил учить меня?

Руслан вздохнул, забрал букет и пошёл к двери. Шамиль дочитал строчку, перевернул страницу и понял, что не помнит ни одного слова из прочитанного. В голове снова нахо-

дилась она. Лера, которая увидела его за воротами и демонстративно сбросила звонок. Лера, которая уже девять дней спала не в их спальне. Лера, которая забрала из ванной крема, шампуни, свою косметику, даже халат утащила. Будто собиралась не наказывать его, а действительно исчезнуть из этого дома.

Этого он ей позволять не собирался.

К полуночи Шамиль всё же вернулся домой. Прошёл через тёмную гостиную, поднялся на второй этаж и остановился у двери спальни. Можно было лечь в другой комнате. Дом огромный, кроватей хватит на маленькую армию. Он даже попробовал вчера. Провёл в гостевой спальне минут двадцать, потом встал, взял подушку и вернулся сюда, злой на себя до желания что-нибудь разбить. Его раздражала не кровать. Его раздражало отсутствие женщины на её половине.

Шамиль вошёл, снял пиджак, бросил его в кресло и прошёл в гардеробную. Половина шкафов теперь пустовала. Лера увезла почти всю одежду, оставив несколько старых вещей, которыми, видимо, решила пожертвовать. На полке валялся тонкий пояс от какого-то платья. Шамиль машинально взял его, сжал в пальцах и тут же вспомнил, как много лет назад привязал Лере этим поясом руки к изголовью. Она тогда сначала орала, что прийдёт его, потом сама требовала не останавливаться. Воспоминание вспыхнуло так резко, что тело тут же неприятно потяжелело.

Он отбросил пояс обратно.

Вот ещё.

Будет он страдать из-за бабы.

Шамиль вышел из гардеробной, лёг и выключил свет. Несколько минут лежал на спине, глядя в темноту, потом перевернулся на бок. Простыня с её стороны была холодной. Раньше Лера постоянно жаловалась, что он занимает слишком много места, хотя сама спала так, будто решила захватить кровать целиком. То ногу на него закинет, то ладонь сунет под футболку, то среди ночи прижмётся холодным задом и заставит греть. Иногда будила его среди ночи, потому что ей в голову приходила какая-нибудь очередная мысль.

Шамиль несколько раз просыпался от её голоса.

Теперь спать никто не мешал.

И сна почему-то не было.

Утром он уже в семь спустился в домашний зал. Руки еще не зажили после вчерашнего, но Шамиль натянул перчатки и принялся за грушу. Он не считал удары, не экономил силы. Работал до тех пор, пока футболка не прилипла к спине, а дыхание не начало рвать лёгкие. После такого обычно голова становилась пустой. Сегодня ни хрена. Лера сидела там намертво.

— Ты её убить решил? — слышался голос от двери.

Шамиль остановил раскачивающуюся грушу ладонью и повернул голову. Эльдар стоял в дверях, держа тонкую папку. Сын выглядел так, словно вообще не ложился. Тёмные волосы растрёпаны, под глазами лёгкие тени, рубашка рас-

стёгнута сверху на две пуговицы. От него пахло сигаретами, ночным городом и женскими духами.

— Ты ночевать домой иногда приезжаешь? — Шамиль снял одну перчатку зубами, потом вторую.

— А зачем? — Эльдар прошёл в зал и сел на скамью. — Мамы всё равно нет, Амаль теперь семейная женщина. Я почти всегда занят.

— По запаху чую.

Сын усмехнулся, никак не смутившись.

— После работы немного погулял. Мне теперь вообще нельзя отдыхать?

— Работать сначала научись.

— Вот именно за этим я и приехал, — Эльдар поднял папку. — Посмотришь?

Шамиль вытер шею полотенцем и протянул руку. Последние месяцы сын действительно перестал только тратить деньги и начал пытаться их зарабатывать. Сначала Шамиль думал, что тот наиграется за неделю, но Эльдар неожиданно втянулся. Нашёл помещение, собрал команду, начал крутиться, встречаться с людьми, возвращался домой глубокой ночью уже не только из клубов. Денег у отца не просил, что Шамилю особенно нравилось. Правда, опыта сыну пока не хватало настолько, что иногда хотелось взять его за шкирку, посадить в кабинете и пару лет учить, как делается бизнес. Хотя... Шамиля вообще никто не учил. Вылез же как-то. Зубами и руками прогрызал себе дорогу. Кровью. Иногда

чужой, а иногда и своей.

Шамиль открыл папку, бегло просмотрел первые страницы, потом вернулся к началу и прочитал внимательнее. Эльдар сидел молча, только время от времени тёр ладонью лицо. Через несколько минут Шамиль закрыл папку и бросил ему обратно.

— Не подписывай.

— Почему?

— Потому что тебя имеют.

Эльдар сразу выпрямился.

— Кто?

— Все, кто это составлял, — Шамиль сел рядом, забрал у него бумаги и ткнул пальцем в один из пунктов. — Здесь ты берёшь на себя почти все риски. Здесь тебя могут выкинуть из дела через полгода, оставив с долгами. А это вообще подписывает только человек, которому деньги мешают жить.

Сын нахмурился, забрал листы, начал перечитывать. Шамиль объяснял без спешки, хотя уже через несколько минут начал раздражаться из-за того, что Эльдар спорит. Узнавал себя. Такой же упрямый. Сначала полезет в огонь, потом будет интересоваться, почему обжётся. В итоге сын всё же достал телефон и начал делать заметки, время от времени переспрашивая. Работа неожиданно вытеснила Леру из головы почти на полчаса.

Потом телефон Эльдара зазвонил.

На экране высветилась фотография матери.

Шамиль увидел.

И Лера моментально вернулась в голову вместе со всем остальным.

— Да, мам, — Эльдар ответил на звонок и поднялся со скамьи. — Я у отца. По работе приехал. Да нормально всё.

Шамиль сделал вид, что занимается сбитыми костяшками. Медленно разматывал ткань с ладони и совершенно не слушал, что говорит сын. Ему плевать, зачем Лера звонит Эльдару. Плевать, спрашивает ли она о нём. Плевать, как у неё дела у Короля.

— Живой он, мам, — неожиданно сказал Эльдар и тут же посмотрел на отца.

Шамиль поднял голову.

Сын прикусил губу, явно пряча улыбку.

— Я тебе потом наберу. Да. Всё, мам.

Он отключился, сунул телефон в карман и присел обратно. Несколько секунд между ними висела тишина. Эльдар первым отвёл глаза, забрал бумаги и начал складывать их в папку, но по выражению его лица Шамиль уже понял, что тот сейчас скажет какую-нибудь херню.

— Даже не думай, — предупредил он.

— Я ещё ничего не сказал.

— Вот и не говори.

Эльдар всё-таки усмехнулся.

— Она спросила, как ты.

Шамиль встал.

— Мне плевать.

— Ага.

— Что ага?

— Ничего. Плевать так плевать, — сын поднялся следом и поправил рубашку. — Только ты цветы ей зачем тогда каждый день присылаешь?

Шамиль медленно повернул голову.

— Откуда знаешь?

— Мама сказала Амаль. Амаль сказала мне. Семья, пап. Тут даже твои люди не нужны.

Шамиль сжал челюсть. Лера, значит, уже обсуждает его попытки помириться с детьми. Отлично. Осталось объявление в газету дать, чтобы весь город знал, как Грешник бежит за юбкой жены и получает букеты обратно в рожу.

— Езжай работать, Эльдар.

— Уже еду, — сын дошёл до двери, но там остановился и обернулся. Веселье с его лица исчезло. — Она плохо спит. Амаль сказала.

Шамиль ничего не ответил. Эльдар ещё несколько секунд смотрел на него, потом вышел. Дверь закрылась, а Шамиль остался один среди тренажёров и запаха кожи, пота и металла. Внутри неприятно шевельнулось что-то, чему он не собирался давать название. Не спит и не спит. Сама ушла. Никто её не выгонял. Он приехал за ней, впервые в жизни спросил, хочет ли она домой, получил ответ и даже не стал спорить.

Пусть теперь наслаждается свободой.

Шамиль тоже попробует.

Он пробовал весь следующий день. Уехал в офис, набрал столько работы, что к вечеру остальные сотрудники начали расходиться, а он продолжал сидеть за столом. Один документ сменял другой, звонки, цифры, встречи. Лера не появлялась почти два часа. Потом секретарша вошла с кофе и от неё пахло похожими духами. Не такими. Но первые секунды Шамиль уже видел Леру, которая ставит перед ним чашку, садится на край стола и начинает спрашивать, когда он закончит работать.

Он выгнал секретаршу.

Кофе тоже.

В девять вечера открыл телефон и увидел их старую переписку. Последнее сообщение Леры касалось Амаль. Никакой любви, никаких признаний, ничего из того, что люди обычно хранят после двадцати лет брака. За долгие годы им не приходилось писать друг другу о чувствах. Она могла находиться в соседней комнате и орать его имя так, что слышал весь дом. Он мог среди рабочего дня прислать ей единственное неприличное предложение, после которого вечером получал то поцелуй, то подушкой по голове. Они всегда были рядом. Телефон им почти не требовался.

Шамиль пролистал переписку выше, остановился на фотографии Леры в коротком домашнем платье. Она прислала её несколько месяцев назад, когда он задержался. Под снимком было написано, что если через час его не будет дома,

платье увидит кто-нибудь другой.

Тогда он приехал через двадцать минут.

Шамиль закрыл переписку, бросил телефон на стол и потёр лицо ладонями. Нужно заканчивать этот цирк. Она сказала нет. Он услышал. Всё. Он не станет превращаться в мужика, который годами бежит за женщиной, унижается, караулит её под окнами. Не хочет его Королевна, значит, переживёт.

Он умел жить один.

Когда-то вообще никого не было.

И ничего, вырос.

Дом встретил его непривычной тишиной уже далеко за полночь. На кухне стоял приготовленный ужин, но Шамиль только открыл крышку, посмотрел на мясо и закрыл обратно. Аппетита не было. В спальне он разделся, сходил в душ и лёг на свою половину кровати. На чужую даже не посмотрел. Так было легче. По крайней мере первые несколько минут.

Потом взгляд всё-таки скользнул туда, где раньше лежала Лера.

И снова вспомнились её волосы на подушке. Обнажённое плечо. Тонкая ляжка ночной сорочки, которую он столько раз стягивал зубами. Её недовольное сонное ворчание, когда он будил среди ночи, потому что хотел её. Их вечные драки за одеяло. Её холодные ступни у него между ног зимой. Двадцать лет чужого тела рядом превратились в привычку, от которой теперь невозможно было отделаться одним реше-

нием.

Шамиль перевернулся на спину и сцепил руки за головой. Желание уже знакомо тянуло низ живота. Он мог позвонить любой женщине. Найти вообще любую. Молодую, красивую, покорную. Таковую, которая не будет спорить, сбегать к отцу, требовать спрашивать разрешения и возвращать цветы.

От одной мысли стало противно.

В дверь постучали.

— Чего? — рывкнул Шамиль, радуясь хотя бы тому, что его отвлекли.

Руслан заглянул в спальню. В руках у него был большой конверт, и вид у него снова был нехороший.

— Курьер привёз. Сказал передать лично.

— Завтра.

Руслан не ушёл.

— Там от адвоката Валерии Игнатьевны.

Шамиль медленно сел на кровати. Сонливость и возбуждение исчезли одновременно, будто кто-то плеснул ледяной воды в лицо. Он протянул руку, дождался, пока Руслан положит конверт ему в ладонь, и кивнул на дверь. Только когда остался один, вскрыл его.

Бумаги он читал долго. Не потому, что не понимал юридические формулировки. Лера за двадцать лет научила его разбираться в подобной мути лучше многих. Он прочёл всё от начала до конца, вернулся к первой странице, потом ещё раз дошёл до подписи. Её подписи. Знакомой до мель-

чайшей закорючки. Валерия Королёва не пугала его уходом, не ждала, когда он приползёт к ней с цветами, не устраивала очередную семейную войну. Она сделала то, что обещала. Подала на развод.

Шамиль сидел на кровати, держа бумаги в руках, и чувствовал странное спокойствие. Настолько плотное и тяжёлое, что от него хотелось рассмеяться. Двадцать лет она была его женой. Сначала против всякой нормальной логики, потом по собственной воле. Родила ему двоих детей. Уходила, возвращалась, ненавидела, хотела, спасала, вытаскивала его из такого дерьма, куда другой человек даже руку не сунул бы. Он привык считать её чем-то постоянным. Дом можно продать. Деньги потерять и заработать снова. Люди приходят и исчезают. Родственники предают. Даже дети вырастают и уходят. А Королева оставалась.

До сегодняшнего дня.

Шамиль аккуратно сложил листы обратно и положил на тумбочку. Взял телефон, нашёл её номер, нажал на имя и долго смотрел на кнопку вызова. Внутри уже поднималась знакомая ярость. Хотелось позвонить и спросить, какого хрена она творит. Хотелось приехать к Королю, пройти через ворота хоть по головам охраны, подняться к ней и заставить объяснить ему всё в лицо. Хотелось схватить, прижать к стене, почувствовать под руками знакомое тело и выбить из её головы этот развод так же легко, как он привык выбивать из людей дурные идеи.

Но именно поэтому она и ушла.

Шамиль опустил телефон.

Впервые эта мысль не разозлила его. Она была неприятной, как кусок стекла под кожей, который невозможно вытащить пальцами, но он всё-таки понял. Лера всю жизнь ждала, что однажды он хотя бы услышит её. Не согласится. Не станет хорошим. Не перестанет быть тем, кем является. Хотя бы услышит.

Он слышал.

Нет значит нет.

Развод значит развод.

Шамиль лёг, выключил свет и несколько минут смотрел в темноту, чувствуя рядом пустое место женщины, которой уже мысленно разрешил уйти. Только внутри не было облегчения. Там становилось тесно, зло и холодно, будто тело не собиралось соглашаться с решением головы. Он повернулся на бок, машинально протянул ладонь на её половину кровати и сжал простыню пальцами.

— Ладно, Королевна, — произнёс он негромко, глядя в темноту, и собственный голос прозвучал непривычно спокойно. — Хочешь забыть меня, попробуй.

Угроза из этих слов не получилась. Скорее предложение поиграть в игру, которую они оба заранее проиграли. Потому что даже сейчас, держа рядом бумаги на развод, Шамиль знал одну неприятную вещь. Он может перестать звонить. Может больше не отправлять цветы. Может подписать каж-

дую бумажку, которую Лера ему пришлёт, и больше никогда не появиться у ворот Короля.

Но забыть её у него уже не получится.

Глава 2

Утром я первым делом проверила уведомление о доставке. Не потому, что сомневалась в курьере. Я сама собрала пакет документов, сама проверила каждую страницу, приложила всё необходимое и заплатила за вручение лично в руки. За годы адвокатской практики я таких бумаг насмотрелась столько, что могла оформить собственный развод с закрытыми глазами. Никакой коллега мне для этого не требовался. Я подключила помощницу только на дальнейшую беготню, потому что заниматься своим браком как очередным делом не хотела. В графе получателя стояло имя Шамиля, рядом время вручения. Вчера. Двадцать три сорок семь. Значит, он уже видел мою подпись. Уже понял, что это не очередная ссора, после которой я остыну и вернусь домой. И за всю ночь не позвонил ни разу.

Телефон я положила экраном вниз и отправилась в душ. В зеркале обнаружилась женщина с опухшими глазами, спутанными волосами и таким выражением лица, какое обычно бывает у моих клиентов перед неприятным судебным заседанием. Совершенно не Королевна. Вот ни разу. Хотелось рассмеяться над собой. Двадцать лет я мечтала хотя бы один день прожить без контроля Хаджиева. Чтобы никто не спрашивал, куда еду, когда вернусь, почему задержалась. Чтобы

можно было оставить окно открытым на ночь, разбросать одежду по комнате и не услышать недовольного бурчания. Получила. Только радости почему-то не случилось. Ночью я дважды просыпалась и тянула руку на другую половину кровати, хотя Шамиль в этой комнате никогда не спал. Тело оказалось тупее меня. Оно помнило мужчину, которого голова решила вычеркнуть из жизни.

В шкафу висела половина моей одежды из старого дома. Остальное я оставила там намеренно. В первый день после ухода мне хотелось забрать только то, что действительно нужно, и не устраивать переезд под охраной отца. Сейчас я вытащила тёмные брюки, белую рубашку, потом сунула рубашку обратно. Шамиль любил её. Тонкая ткань плотно ложилась по груди, и однажды он порвал на ней две пуговицы, когда я собиралась на встречу. Я тогда опоздала на сорок минут и пообещала оторвать ему руки. Он предложил начать с другой части тела. Воспоминание возникло некстати, яркое до жара в щеках, и я со злостью достала первую попавшуюся блузку.

На кухне отец завтракал один. Перед ним лежала газета, рядом остывал кофе, а из тарелки торчала вилка. Король посмотрел на меня поверх очков, которые в последнее время начал надевать для чтения, и несколько секунд изучал лицо. Я сделала вид, что очень занята кофемашиной. Папа умел молчать так, что человек сам начинал признаваться во всех преступлениях, включая те, которых не совершал.

— Даже не начинай, пап, — предупредила я, поставила чашку на стол и полезла в холодильник за йогуртом. — У меня нормальное лицо.

— Если это нормальное, я боюсь представить ненормальное, — усмехнулся он, сложил газету и отодвинул её в сторону. Взгляд тут же упал на мой телефон. — Звонил?

Я села напротив и медленно сняла крышку с йогурта.

— Кто?

Король фыркнул.

— Папа римский, Лера. Кто ещё?

— Нет, — ответила я ровнее, чем чувствовала, и зачерпнула ложкой йогурт. — И меня это устраивает.

Отец опять промолчал. Вот за это я готова была его придушить. Лучше бы спорил. Он смотрел на меня тем самым понимающим взглядом, а я уже ощущала себя пятнадцатилетней дурочкой, которую поймали на первом свидании.

— Я подала на развод не затем, чтобы Шамиль устроил мне концерт под окнами, — добавила я раздражённо, хотя папа ничего не спросил. — Он получил документы. Дальше либо подпишет, либо нет. Если начнёт упираться, процесс всё равно не остановит. Ты прекрасно знаешь.

— Я знаю. Ты знаешь. Даже твой муж, думаю, знает, — Король потянулся за кофе и сделал глоток. — Вопрос в другом. Ты сама чего ждёшь?

Ложка замерла у рта. Я посмотрела на отца, чувствуя, как поднимается злость. Не на него. На себя. Потому что ответ

существовал, и он мне не нравился.

— Ничего не жду, — бросила я, сунула ложку в стаканчик и встала. — Мне пора работать.

— Ты половину не съела, — заметил отец, посмотрев на йогурт.

— У меня клиент в десять.

— Сейчас восемь двадцать.

— Тогда успею выпить кофе в офисе.

Король усмехнулся мне вслед, но удерживать не стал. Я схватила сумку и вышла из дома быстрее, чем требовалось. Спасалась бегством от одного мужчины, потому что другой не приехал. Отличная жизнь, Валерия Игнатьевна. Не девочка уже, а мозгов местами всё ещё как у студентки.

В офисе меня отпустило. Здесь всё было привычным и моим. Секретарь сунула в руки расписание, в кабинете ждал клиент, которому грозили проблемы из-за драки с деловым партнёром, потом пришлось звонить следователю, просматривать записи и доказывать взрослому мужчине, что угрозы в переписке лучше не отправлять человеку, с которым собираешься судиться. К обеду я даже забыла проверить телефон. Почти. Один раз всё-таки заглянула на экран, когда вышла из переговорной. Ноль пропущенных от Шамиля. Ноль сообщений. Я сунула аппарат в сумку и так резко закрыла молнию, что секретарь испуганно посмотрела в мою сторону.

— Всё хорошо, Валерия Игнатьевна? — спросила она, придерживая стопку папок у груди.

— Замечательно, — ответила я и забрала верхнюю папку.
— Лучше не бывает. По Крылову свидетелей нашли?

Она сразу переключилась на работу, и я была ей благодарна. Через несколько минут мы уже обсуждали дело, потом приехал второй клиент, а следом началась обычная суета. Вот здесь я чувствовала себя нормальной. Люди приходили с проблемами, я знала, как их решать. Закон не обижался, не ревновал, не таскал меня через плечо в спальню и не пытался выдать дочь замуж ради чужого бизнеса. С законом хотя бы можно было спорить аргументами.

После четырёх позвонил Эльдар. Я увидела фотографию сына на экране и вспомнила, что вчера он ездил к отцу. Сердце отреагировало быстрее разума, и меня это разозлило ещё до того, как я ответила.

— Мам, привет, — голос у Эльдара был бодрый, фоном хлопнула автомобильная дверь. — Ты занята?

— Уже нет. Еду скоро домой. У тебя всё нормально? — спросила я, закрывая ноутбук и потирая уставшие глаза.

— Да. Я тут договор переделал. Папа вчера половину разнёс, пришлось всю ночь сидеть.

Я невольно улыбнулась. Эльдар менялся так быстро, что я не успевала привыкнуть. Ещё недавно его главным занятием были клубы, машины, женщины и вечные возвращения под утро. Сейчас клубы и женщины никуда не исчезли, зато между ними появился бизнес. Сын арендовал помещение, собрал людей, начал договариваться с партнёрами и впервые

столкнулся с тем, что одной фамилии Хаджиев для успеха мало. Шамиль денег ему не подсовывал. И правильно делал. Я тоже хотела, чтобы Эльдар научился стоять на ногах сам, а не превратился в очередного богатого мальчика, прожигающего отцовское состояние.

— Прислушивайся к нему в работе, — сказала я, вставая из кресла и надевая пиджак. — В этом твой отец разбирается намного лучше, чем в семейной жизни.

Эльдар тихо рассмеялся.

— Это сейчас был комплимент или оскорбление?

— Сам решай.

Я дошла до окна, посмотрела вниз на парковку и всё-таки не удержалась. Вопрос крутился на языке с первой секунды разговора.

— Он как?

Сын замолчал. Совсем ненадолго, но мне хватило, чтобы захотеть провалиться сквозь пол.

— Кто? — невинно переспросил он.

— Эльдар, не беси мать.

— Аааа, папа, — протянул этот негодяй, откровенно наслаждаясь ситуацией. — Живой. Вчера руки на груше разбил. Злой ходит. Руслан говорит, почти не спит.

Я прикрыла глаза. Сразу увидела сбитые костяшки, старые шрамы на пальцах и его привычку лупить мешок до тех пор, пока кожа не треснет. Потом я сидела рядом, мазала руки антисептиком и слушала, что всё заживёт само. Ино-

гда действительно заживало. Иногда приходилось ругаться и бинтовать.

— Мама? — голос сына вернул меня в кабинет.

— Я здесь. И что ещё?

— А что ещё тебе надо? — Эльдар опять засмеялся. —

Адрес его дать?

— Прекрати! Я спросила, потому что вы вчера виделись.

— Ага. Конечно.

— Езжай работать, умник, — огрызнулась я и взяла сумку. — И сегодня домой ночевать вернись. Хватит шлаться сутками.

— Я взрослый.

— Для меня ты взрослый придурок, который иногда забывает поесть.

— В папу пошёл.

Я остановилась у двери. Эльдар сам затих после собственной фразы, а потом негромко выдохнул.

— Мам, вы там сами разберитесь, ладно? Я люблю вас обоих, но почтальоном быть не хочу.

Мне стало стыдно. Сын действительно не должен был бегать между нами и сообщать, кто как спал и сколько раз ударил грушу.

— Не будешь, — ответила я уже спокойнее. — Всё, работай. Вечером напиши, что живой.

— Ты тоже, мам.

Мы попрощались, и я ещё несколько секунд смотрела на

погасший экран. Шамиль не спит. Руки разбил. Злой. Значит, документы всё-таки его задели. Мерзкое облегчение разлилось по груди, и я тут же себя за него возненавидела. Чего я хотела? Чтобы он страдал? Чтобы приполз? Чтобы двадцать лет нашей жизни оказались для него важнее собственного бешеного самолюбия? Похоже, да. Только признавать это не хотелось даже себе.

Домой я приехала поздно. В холле пахло цветами, и я сначала решила, что отец опять заказал что-нибудь для столовой. Потом увидела огромный букет пионов на столе и остановилась. Розовые, тяжёлые, уже раскрывающиеся. Я любила их лет пять. Шамиль ненавидел. Называл капустой, ругался из-за лепестков на полу.

Домработница вышла из кухни и сразу улыбнулась.

— Вам привезли около часа назад, Валерия Игнатьевна. Я хотела позвонить, но Игнат Алексеевич сказал не отвлекать вас от работы.

Я подошла к букету. Между цветами торчала маленькая карточка. Вытащила её и прочитала знакомый размашистый почерк.

«Третья попытка. Не беси меня, Королевна».

Я засмеялась. Не хотела, но не смогла удержаться. Вот же псих. Даже ухаживать нормально не умеет. Любой мужчина написал бы про любовь, тоску или хотя бы «прости». Этот угрожает собственной жене пионами.

— Первые два ты вернула, — донёсся голос отца из го-

стиной. Король вышел в холл, оценил цветы и моё лицо. — Эти тоже отправить?

Я ещё раз посмотрела на карточку. Потом на пионы.

— Нет. Эти оставлю, — ответила я и сразу увидела, как папа приподнял брови. — Молчи, пап. Я люблю пионы. Всё.

— Конечно. Исключительно пионы.

— Пап!

— Молчу, — усмехнулся он и ушёл обратно.

Я сама отнесла цветы в комнату. Нашла вазу, налила воду, подрезала стебли ножом и поставила букет у окна. Пальцы пахли зеленью, на стол упало несколько лепестков. Шамиль обязательно бы проворчал. Потом через час сам убрал бы их, потому что терпеть не мог беспорядок. Карточку я собиралась выбросить, даже дошла до корзины. Потом зачем-то сунула её в ящик тумбочки. Не как память. Ничего подобного. Там всё равно валялась куча ненужных бумажек.

Ночью цветы пахли на всю комнату. Я лежала в постели, читала книгу и каждые пять минут возвращалась на одну страницу назад, потому что ничего не понимала. Телефон молчал. Шамиль прислал пионы, но сам не позвонил. Это было на него не похоже. Раньше после такого он уже стоял бы под дверью, требовал открыть, лез по головам отцовских безопасников или придумал ещё какую-нибудь дикость. Теперь ограничился букетом.

Около полуночи я встала попить воды, вернулась, посмотрела на телефон и увидела сообщение от своей помощницы.

Курьер забрал у Шамиля пакет утром. Я нахмурилась и открыла вложение. Скан первой страницы. Потом второй. На последней стояла его подпись.

Шамиль согласился на развод.

Я села на кровать и перечитала документ дважды, хотя одного взгляда хватило. Почерк знала лучше своего. Он ничего не перечеркнул, не написал на полях ни одной гадости, не поставил условий. Подписал там, где требовалось, и вернул пакет.

Такого я не ждала.

Я думала, он порвёт бумаги. Приедет. Устроит скандал. Скажет, что я его жена и останусь ею или он меня прикончит. Всё что угодно, только не это спокойное согласие.

Телефон лежал в моей ладони. Я нашла его номер и осталась. Позвонить хотелось до боли. Спросить, что это значит. Почему так легко? Почему двадцать лет держал меня мёртвой хваткой, а теперь поставил подпись за одну ночь?

Потом вспомнила ворота. Его вопрос.

«Ты хочешь вернуться домой?»

Моё «нет».

Он услышал.

Я сама этого требовала.

Телефон я положила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.